

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.18384/2949-5008-2026-2-8-19

РОЛЬ МОЛЧАНИЯ В СОЗДАНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА ГЛАВНОЙ ГЕРОИНИ ПОВЕСТИ Н. С. ЛЕСКОВА «ЖИТИЕ ОДНОЙ БАБЫ»

Алешина Л. В.

*Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, г. Орёл, Российская Федерация
e-mail: alyoshinalv@mail.ru*

Поступила в редакцию 12.02.2026

Принята к публикации 19.02.2026

Аннотация

Цель. Анализ репрезентации молчания как ключевой детали психологического портрета главной героини повести Н. С. Лескова «Житие одной бабы».

Процедура и методы. Использовались методы дискурсивного и контекстного анализа, метод исследования словарных дефиниций, описательно-аналитический метод.

Результаты. В ходе исследования сделан вывод о том, что репрезентация молчания как существенной составляющей невербального поведения в разных дискурсивных ситуациях является ключевой деталью в создании психологического портрета главной героини повести «Житие одной бабы». Именно молчание передаёт самые сложные оттенки душевного состояния Насти Прокудиной, её коммуникативные намерения.

Теоретическая и/или практическая значимость. Материалы статьи могут быть использованы при решении сходных исследовательских задач.

Ключевые слова: дискурс, «Житие одной бабы», молчание, речевой акт, функции молчания

Для цитирования:

Алешина Л. В. Роль молчания в создании психологического портрета главной героини повести Н. С. Лескова «Житие одной бабы» // Отечественная филология. 2026. № 2. С. 8–19. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-2-8-19>.

Original research article

SILENCE AS A MEANS OF CREATING A PSYCHOLOGICAL PORTRAIT OF THE PROTAGONIST IN N. S. LESKOV'S STORY "THE LIFE OF A WOMAN"

L. Aleshina

*Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, Russian Federation
e-mail: alyoshinalv@mail.ru*

Received by the editorial office 12.02.2026

Accepted for publication 19.02.2026

Abstract

Aim. To analyze representation of silence as a key detail in the psychological portrait of the main character in N. S. Leskov's story "The Life of a Woman."

Methodology. The study used methods of discourse and contextual analysis, the method of studying dictionary definitions, and the descriptive-analytical method.

Results. The study concluded that the representation of silence as an essential component of nonverbal behavior in various discursive situations is a key detail in creating the psychological portrait of the protagonist of "The Life of a Woman." It is silence, both involuntary and symptomatic, and intentional and semiotic, that conveys the most complex nuances of Nastya Prokudina's mental state and her communicative intentions.

Research implications. The results of the article can be used to solve similar research problems.

Keywords: discourse, "The Life of a Peasant Woman", silence, speech act, functions of silence

For citation:

Aleshina, L. V. (2026). Silence as a Means of Creating a Psychological Portrait of the Protagonist in N. S. Leskov's Story "The Life of a Peasant Woman." In: *Russian Studies in Philology*, 2, 8–19. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-2-8-19>.

Введение

Повесть Н. С. Лескова «Житие одной бабы» была опубликована в сентябре 1863 г. Это первое крупное художественное произведение писателя, но было бы неверно сказать, что это работа начинающего автора: к тому времени Лесков уже имел значительный опыт сотрудничества с рядом газет и журналов, были опубликованы несколько рассказов, серия очерков «Из одного дорожного дневника».

Как справедливо отмечает М. А. Кучерская, «в "Житии одной бабы" дана целая галерея очень разных и очень живых людей» [1, с. 187], чему способствует репрезентация их невербального поведения, существенной составляющей которого является молчание, способное «выступить в качестве полноценного коммуникативного акта, реализация которого позволяет продолжать межличностную коммуникацию на качественно ином уровне» [2, с. 197]. Именно молчание, как невольное, так и намеренное (симптоматичное и семиотичное в терминологии Н. Д. Арутюновой [3, с. 423]), передаёт самые сложные оттенки душевного состояния человека, его коммуникативные намерения. Мы согласны с утверждением К. А. Богданова: «сознательный выбор молчания в контексте любой коммуникации – действие, акцентирующее само себя, мотивированное ситуационно и поведенчески» [4, с. 50]. Презентация акта молчания играет ключевую роль в создании точных пси-

хологических портретов персонажей повести, прежде всего главной героини, Насти Прокудиной.

Определяя функции коммуникативно значимого молчания героини, мы опираемся на исследования С. В. Крестинского, который рассматривает феномен молчания как органичную составляющую коммуникативного акта и перечисляет 19 коммуникативных функций молчания [5, с. 35–37]. Многие из этих функций можно выявить в ходе дискурсивного анализа лесковского текста. Именно молчание передаёт самые сложные оттенки эмоционального и психического состояния Насти, её коммуникативные намерения, зачастую выполняя не одну, а несколько функций.

Молчание как ключевая деталь психологического портрета Насти Прокудиной

Молчаливость свойственна крепостным крестьянкам как самым бесправным членам семьи и общества в целом. В первых же строках повести о матери главной героини сказано: «Доброте её меры не было: всем она всё прощала. Муж её тиранил, увечил, и пьяница к тому же был; а она, как овечка божия, всё ему угождала, и слова от неё на мужа никто не слышал».¹

¹ Здесь и далее цит. по: Лесков Н. С. Житие одной бабы [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/l/leskow_n_s/text_1863_zhitie_odnoy_baby.shtml (дата обращения: 11.01.2026).

И Настя «характером в неё пошла, только ещё, кажется, **была безответнее**». Брат Насти, Костик, выбрал себе в жёны такую же «смирненную» девушку, готовую безропотно терпеть произвол мужа: «А она, я вам сказал, безответная была – **всё молчала**. У нас много есть таких женщин по сёлам, что вырастает она в нужде да в загоне, так после терпит всё, словно каменная, и не разберётся никак: не то она чувствует, что терпит, не то и не чувствует». В лексеме *безответный* в значении "неспособный возражать, прекословить, очень кроткий"¹ актуализируется сема 'молчание': предикаты *безответная была* и *всё молчала* употребляются как однородные, где второй предикат поясняет первый, что подчёркивается бессоюзной связью и постановкой тире; в следующем предложении образ безответной женщины усиливается сравнительным оборотом *словно каменная*, где прилагательное *каменный* употребляется в переносном значении "безжизненный, застывший".² Здесь молчание оказывается важной деталью поведенческой характеристики персонажей, выполняя ряд функций. Прежде всего это экспрессивная функция, выражающая психологическое состояние коммуникантов, социальноролевая функция, обусловленная положением женщины в семейной иерархии, а также стратегическая, предполагающая осознанный выбор молчания, в данном случае с целью задобрить мужа, не вызвать его недовольство.

Молчаливость Насти в ряде ситуаций говорит о её деликатности, глубокой порядочности, нежелании сплетничать, умении уйти от ответа на неудобные вопросы. Так, на Михайлов день после обедни Настя с матерью вынуждены были пойти на обед к Прокудину. Поскольку она работала у барыни, её принялись расспрашивать о порядках в господском доме: «Кто ябедой или переносами занимается? Какова невестка? Гуляет она с кем или нет? Но у

Насти, бывало, **ни о ком худого слова не вытянешь**». В этой ситуации молчание выполняет стратегическую функцию, «содержание такого молчания определяется прежде всего намеренным нежеланием говорить, отвечать, произносить или «озвучивать» какой-либо речевой акт» [5, с. 36].

При возникновении конфликтных ситуаций коммуниканты прибегают к разным стратегиям, однако «эмотивные состояния могут быть репрезентированы и тогда, когда один из участников коммуникации молчит» [6, с. 37], что мы наблюдаем в сцене разговора Насти с братом, когда тот сообщает о своём решении выдать её замуж за сына однодворца Прокудина, своего делового партнёра. Выбирать девушке будущего мужа, не спрашивая её согласия, было нормой, вот только Гришка Прокудин, деревенский дурачок, отличавшийся уродливой внешностью, говоривший «так гугняво, неприятно», был Насте омерзителен. И безответная девушка, которая своего «злющего» брата «страсть как боялась», впервые пытается возражать: «Я не пойду, братец, – тихо отвечала робкая Настя; а сама как полотно белая стала. – Что-о? – спросил Костик и заскрипел зубами. – Не пойдёшь? – Не могу, братец, – отвечала Настя, не поднимая глаз на брата. – С чего это не могу? – опять спросил Костик, передразнивая сестру на слове «не могу». Настя **молчала**. – Говори, чёрт тебя абдери! – крикнул Костик. Настя **всё молчала**». Молчание здесь является крайней формой протеста, на который способна девушка, соответственно, мы бы охарактеризовали функцию коммуникативного молчания в этой ситуации как протестную, которую, на наш взгляд, нельзя признать разновидностью ни одной из функций, выделяемых С. В. Крестинским. С другой стороны, молчание героини говорит о потрясении, ужасе, который она испытывает. Кроме того, молчание выполняет здесь когнитивную функцию: Настя пытается подобрать слова, которые помогли бы ей достучаться до брата. На его возмущённо-недоумённый вопрос «Говори: отчего не пойдёшь за Григория?» она восклицает:

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и выражений. М.: А-Темп, 2006. С. 41.

² Там же. С. 262.

«Противен он мне; смерть как противен!», а когда брат отнёсся к этому возражению как к вздорному, Настя, рыдая, «бросилась брату в ноги. – Не губите вы меня! Зреть я его не могу: как мне с ним жить?.. – **Молчать!** – крикнул Костик и, оттолкнув сестру ногою в угол чулана, вышел вон». Волюнтивное инфинитивное предложение «Молчать!» выражает недоумённо-возмущённую реакцию старшего брата на попытку возражать ему и категоричное требование беспрекословного подчинения от младшей сестры, которая находится в его власти, что подкрепляется крайне оскорбительным жестом.

В отчаянии Настя делится своим горем с невесткой Алёной, просит помощи, совета, но та может только молча сочувствовать: «Стала Алёна и руки опустила. Смерть ей жаль было Насти, а пособить она ей ничем не придумала; она и сама была такая же горькая, и себе рады никакой дать не умела. Села только да голову Настину себе в колена положила, и плакали вдвоём». Молчание, нарушаемое лишь горьким плачем, выполняет в этой сцене контактивную функцию, выступая как своеобразный молчаливый диалог, «высшая форма взаимопонимания» [5, с. 35]: в этой ситуации это осознание обеими полного бессилия перед семейным произволом. С этого момента Настя погружается в молчание, знаменующее отчаяние обречённого. Вывать о сострадании и помощи не к кому. Самый близкий человек, мать, лишь для приличия спросив сына, каков парень, и услышав, что он «и непитуций и смиренник», успокоилась, даже не подумав поговорить с Настей: «Как её выдавали замуж, так и она выдавала дочь».

Настя молча страдает в преддверии свадьбы, которая для неё хуже смерти: «Всегда Настя была добрая и кроткая, а тут, в эти три недели, совсем точно ангел небесный стала. И жалкая она такая была, что смотреть на неё никак нельзя: словно тень её ходит, а её самой как нет, будто душечка её отлетела». В этом контексте молчание как символ смерти получает имплицитное выражение. Настя-невеста упо-

добляется небесному ангелу как существу бесплотному. Впечатление, производимое ею на окружающих, описывается при помощи индивидуально-авторского расширения фразеологизма *словно (как) тень* – ‘отключившись от всего окружающего, не замечая ничего вокруг, потеряв ко всему интерес (ходить, бродить и т. п.)’¹, смысл которого преобразуется при помощи следующей предикативной части («а её самой как нет, будто душечка её отлетела»). Предстоящая свадьба с ненавистным человеком ощущается Настей как гибель: «В эти дни недели, что оставалось от рукобитья до свадьбы, Настя ко всем как ясочка ласкалась; словно как прощалась со всеми молча...»

На святках, когда девушки собрались петь подблюдные песни, «Насте стало ещё горче, ещё страшнее. «Пой с нами, пой», – приступают к ней девушки; а она не только что **своего голоса не взведёт**, да и чужих-то песен не слыхала бы». А когда девушки «хватили» свадебную песню «Жёрдочка», величая будущих молодых Григория и Настасью, несчастная вместо приличествующего случаю ответа выбежала на двор. Настю поискали, решили, что она пошла к матери, вечером собрались ужинать и снова хватились подружки. «Кликали, кликали – **не откликается**. Оказия, да и только, куда девка делася? А на дворе светло было от месяца, сухой снег скрипел под ногами, и мороз был трескучий, крещенский. Поужинали девушки и спать положились... Насти всё не было. Она всё стояла за углом барского дома да плакала». Настино молчание в ответ на зов подруг, обеспокоенных её исчезновением, коммуникативно значимо: оно свидетельствует о тяжёлом эмоциональном состоянии героини. Трагизм ситуации усугубляется беззаботным весельем окружающих, обычными в таких случаях намёками на предстоящую свадьбу, что для Насти звучит как издевательство, глумление, чего она не может вынести. Лишь общество любимицы, маленькой барышни Машеньки,

¹ Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М: Астрель: АСТ, 2008. С. 680.

Насте не в тягость. Только этот чуткий ребёнок чувствует, что с Настей происходит нечто страшное, и по-детски наивно пытается помочь, что только подчёркивает безвыходность положения несчастной девушки.

Наступил день свадьбы, о которой в народе говорили, «*что не свадьба это была, а похороны*». Душевные терзания Насти подчёркивает актуализация темы смерти и, соответственно, безмолвия: «*С самого утра этого дня она будто перестала мучиться и точно как умерла. Одевали её к венцу, песни пели, косу девичью расчёсывая под честной венец; благословляли образами сначала мать с Костином, потом барин с барыней; она никому ни словечка не промолвила, даже плачущую Машу молча поцеловала и поставила её на пол*». Безмолвным истуканом, не чувствуя холода, стояла Настя в церкви, пока ждали попа. Началось венчание. «*Имаши ли, Григорие, благое произволение пояти себе сию Анастасию в жену? – спросил поп Григория. Григорий ничего не ответил. Поп обратился с вопросом к Насте, и она ничего не ответила. Они оба не поняли вопроса и не догадались даже, что вопрос этот к ним обращается*». При этом природа молчания героев разная. Григорий в силу своих ментальных особенностей не вполне осознаёт, что происходит («*Его женили, а ему всё равно было, на ком его женили*»), не понимает смысла фразы, которую произносит священник на церковно-славянском языке; его молчание связано с «*неспособностью рационально мыслить, управлять своим речевым поведением*» [7, с. 113]. Настя же ничего вокруг не видит и не слышит, ощущая обречённость жертвы, отданной на заклятие. Как отмечает А. Д. Колосова, «*во время совершения свадебного обряда Настя практически уподобляется покойнику*» [8, с. 77].

Поп, не обращая внимание на то, что брачующиеся фактически не дали своего согласия на брак, «*перевенчал Настю с Григорьем Прокудиным*». В продолжение церемонии Настя не издала ни звука, и это коммуникативное молчание вкупе с «*мимическим аккомпанементом*» [3, с. 418]

громче всяких слов говорит о том, что для неё это, по сути, прощание с жизнью. Когда молодых повели вокруг аналога, она «*дико взглянула вокруг, остановила глаза на брате и два раза споткнулась, зацепившись за подножье*», чего не могли не заметить окружающие, тем более что это был дурной знак. «*Так и вина Настя хлебнула с Григорьем из одной чашки “в знак единения”, тихо и покойно. Но когда поп велел им поцеловаться, она как будто шарахнулась в сторону, однако дала себя обнять и поцеловать молча*».

Из церкви, как положено, молодые едут в дом свёкра, где Настя механически исполняет всё, что положено («*кланялась и свёкру-батюшке, и свекрови-матушке, и мужу, и брату своему, глотала вино, когда к ней приставали: “Пригубь, княгиня молодая”, безропотно давала свои уста Гришке, когда говорили: “горько”, “кисло”, “мышинные ушки плавают”*»), и «*затем сидела безмолвным истуканом...*» В продолжение всего свадебного обеда она «*сидела обок мужа не живая, не мёртвая*».

Но впереди самое страшное для Насти испытание: первая брачная ночь, которая была не личным делом молодожёнов, а непременной частью свадебного торжества, сопровождаемой определёнными ритуалами; от её исхода, включая подтверждение «честности» невесты и способности жениха исполнить свой супружеский долг, зависела репутация семьи. Дважды опытная сваха уводила молодых в холодную пуньку, но ожидаемого результата не было. В первый раз в ответ на намёки свахи, что пора молодым выходить, невеста сама открыла дверь полностью одетая. «*Что ж это вы? – воскликнула Варвара. Пойдём, куда тебе нужно, – тихо ответила Настя, взяв сваху за руку. Это было первое слово, которое выговорила Настя в день своей свадьбы*». И снова она сидела за свадебным столом «*и смотрела тем же равнодушно убитым взглядом, каким глядела час тому назад*». Спустя какие-то время сваха уложила невесту «*в её холодной супружеской спальне*», а жених после сделанного ему внушения попытался проявить активность: «*Настасья!*

а Настасья! – гнул Григорий, хватая рукою по кровати. – Что? – тихо, но терпеливо спросила Настасья. – Ты тут? Настя молчала. – Тут ты, Настасья? – опять спросил молодой. – Да тут, тут! Где ж бы я поделась? – То-то, – проговорил молодой», на чём всё и закончилось.

Наутро сваха с дружками пришли за молодыми. Варвара постучала в дверь «и оклинула молодых. **Ответа не было.** Варвара постучала в другой раз, – ответа опять нет», наконец «застучала из всей силы, но снова **никто ничего не ответил**». Тогда уж все вошли в пуньку и нашли там спящего Григория, а Настя, «**не давая голоса, лежала, прислонясь к рухляди, вся закутанная веретьем**», в тёмном углу. Возмущённая Варвара «оглянула её с плеч до ног и спросила: – Что ж это ты дуришь, молодайка? Настя **ничего не ответила**. – Что ж это и правда? родителей только страмишь? – проговорила другая сваха. А Настя **всё молчит да одевается**». Молчание здесь является коммуникативно значимым и многофункциональным, свидетельствуя об эмоциональном состоянии героини, сигнализируя о намеренном желании говорить, отвечать, отчасти оказывая воздействие на коммуникантов. Это был уже скандал. «Одни ругали Настю, другие винили молодого, третьи говорили, что свадьба испорчена, что на молодых напущено...»

Рассказчик, комментируя короткий диалог молодых на брачном ложе, когда «Насте крепко-крепко хотелось не быть теперь тут», на первый взгляд, подчёркивает необходимость подчиняться устоявшемуся в народе взгляду на венчанный брак как освящённый богом: «Да, говорят у нас, во-первых: “Не так живи, как хочется, а так, как бог велит”, а вторых, говорят: “Жена человеку всякому богом назначена, еже бог сопряже человек да не разлучает”». Однако позицию повествователя нельзя отождествлять с авторской, что типично для идиостилия Лескова (М. А. Кучерская подчёркивает: «Именно в «Житии одной бабы» Лесков окончательно научился создавать речевую маску

рассказчика» [1, с. 190]). Лесков не мог не знать, что «взаимное согласие вступающих в брак является непрременным условием законности и действительности брака», брак же, «заключённый с применением насилия над одним из брачующихся, следует считать незаконным и подлежащим расторжению. Причём препятствием к браку считается не только физическое, но и нравственное принуждение, например угрозы, шантаж».¹ Конечно, в условиях, когда браки, как правило, заключались по воле родителей, всё это звучит как невыполнимое требование, однако следует понимать, что подчинение родительской воле было в патриархальной семье нормой, молодые люди, особенно девушки, были воспитаны в повиновении старшим, прежде всего отцу, в его отсутствие старшему брату, матери, и в ходе венчания давали согласие на брак, безропотно смиряясь с выбором старших как с неизбежностью. В данном случае ни невеста, ни жених не дали даже формального ответа на вопрос попа о *благом произволении*, на что священник не обратил никакого внимания и довёл церемонию до конца, хотя должен был «остановить браковенчание и выяснить ситуацию».² Настя согласия взять Григория в мужа перед богом не давала, так что утверждение И. В. Поздиной, что «её целомудрие – проявление цельной природы женщины, не желающей принадлежать нелюбимому, даже если этот нелюбимый – муж, законный супруг» [9, с. 122], следует уточнить: она не воспринимает Григория как законного супруга, это не просто нелюбимый муж, которому поневоле следует подчиниться, а человек, согласия на брак с которым она перед богом не давала. Вдумчивый читатель не может не увидеть здесь имплицитного обвинения церкви в лицемерии, в формальном, бездушном отношении к своей пастве, что резко контрастирует с самой сущностью христианства.

¹ Цыпин В. А. Курс церковного права: учебное пособие. Христианская жизнь, 2004. С. 271.

² Там же. С. 271.

На следующий день, когда надо было ехать к господам «на поклон», Настя пребывает в том же полубесчувственном состоянии, не в силах ни слова вымолвить, ни даже поклониться барыне в ответ на поздравление, лишь на лице её проступает выражение страдания и досады, когда приходится целоваться с мужем.

Свадьба закончилась, и началась жизнь в доме свёкра. Настя «**никому не грубит, ни от чего не отпирается**, даже сама за работу рвётся, а от мужа бежит, как чёрт от ладана. Как ночь приходит, так у неё то лихорадка, то живот заболит, и лежит на печке, **даже дух притаит**». Свёкор призвал на помощь Костика, тот жестоко избил сестру, и она пропала. Лишь через сутки к Прокудиным явился почтовый кузнец Савелий с известием, что вчерашним днём Настя «**прибегла к хозяйке вся дрогая, перепросилась переночевать, да так и осталась. Нонеча она молчит, а мы не гоним**». Молчание героини свидетельствует о состоянии безысходности.

Бегство невестки было событием из ряда вон выходящим, так что побег привыкшей к послушанию, робкой Насти был крайней формой протеста, следующим шагом могло быть только самоубийство, на что намекает старшая невестка, Домна: «*А мне почём знать, где она? может, в колодеце, може, в ином месте*».

Настю возвращают в дом свёкра, а хорошие слухи уже всюю ходят. Этого не выдерживает мать, она приходит к дочери, чтобы упротить её «*с мужем жить, как бог приказал*». И вот «*сидят обе рядком в тёмной избе и плачут. Только Настя не рыдала, как мать, а плакала тихо, без звука, покойно плакала*. Она словно прислушивалась к старческим всхлипываниям матери и о чём-то размышляла. – Змея одна своих детей пожирает, – проговорила Настя, **как будто подумала вслух**. – *Что ты говоришь?* – спросила Петровна, не слышавшая слов Насти. Настя **ничего не отвечала**; но, помолчав немного, **опять, как бы невольно, проронила**: – *Погубили мою жизнь; продали моё тело, и душеньку мою продадут. Выпхнули на позор, на муку,*

да меня ж упрекают, на меня ж плачутся». То, что испытывала Настя, пребывая «*в своём обыкновенном, убитом состоянии*», сказалось невольно, это не реплики в диалоге, а мысли вслух, как бы ожившее, вербализованное молчание. Петровна умоляет: «*Сними ты с моей старой головы срам-покор; пожалей ты и самое себя!*», и Настя сдаётся, но не из жалости к себе, а из чувства долга перед матерью. «*Господи боже мой! чего только они радуются?*» – думала Настя, *придя на другой вечер в гости к матери*. По сути, героиня принесла себя в жертву: «*Сама Настя, однако, была покойнее, хотя собственно этот покой был покой человека, которому нечего больше терять и который уже ничего не хочет пугаться*».

Доказав свою «честность», Настя может теперь жить в новой семье, как и другие невестки, только «*с мужем она никогда не говорила, ни при людях, ни без людей*. За это на неё иногда серчал свёкор, но как она вообще и ни с кем не была разговорчива, то и это на ней не взыскивали. «*Молчаливая*» да «*молчаливая она у нас*»; так и оставили». Тотальное молчание героини выполняет прежде всего дисконтактивную функцию, выражая невозможность вступать в диалог в состоянии «психологического дискомфорта» [5, с. 35]. Это молчание человека, ощущающего себя заживо похороненным. Однако в глубине Настиной души теплится желание жить, поэтому она болезненно реагирует, когда старшая невестка, Домна, заговорила о детях. Сначала «*Настя молчала и смотрела в огонь печи*», изредка односложно отвечая. «*Вот только что у тебя муж-то не такой, как у добрых людей, — продолжала Домна. Настя покраснела, как будто её поймали на каком-нибудь преступлении или отгадали её сокровенную мысль*. – И чудно как это, – продолжала Домна. – О-ох! – болезненно произнесла Настя. – Что тебе? – Ничего». И Домна, не чувствуя, как больно ранят её слова Настю, продолжает: «*Чудно это, я говорю, как если любишь мужа-то, да зайдёшь в тяжесть и трепыхнётся в тебе ребёнок. Боже ты мой, господи! Такою*

тут мёртвой любовью-то схватит к мужу: умерла б, кажется, за него; что не знать бы, кажется, что сделала. Право. А Настя ни словечка не отвечает; брови сдвинула и всё смотрела, смотрела в огонь, да как крикнет не своим голосом: – Ой! ой!» У неё впервые случился истерический припадок: «Она хохотала, плакала, смеялась, рвала на себе волосы и, упав с лавки, каталась по полу». Подверженных таким припадкам называли испорченными, бесноватыми, кликушами, икотницами. Это явление, как правило, среди женщин, не было редкостью в крестьянской среде и считалось болезнью, напушенной тёмными силами, а по сути, это была «репрезентация представления о глубоком душевном потрясении, связанном с социальной уязвимостью и пережитым насилием», зачастую «единственным способом заявить о своём страдании» [10, с. 58]. Это хорошо понимал Лесков, рассказывая: «...у нас с испорченной бабы, не то что с здоровой, – многого не спрашивают. Дьявола, который сидит в испорченной, боятся. Оттого-то, как отольётся иной бабочке житеццо жёлтенькое, так терпит-терпит, сердечная, да изловчится как-нибудь и закричит на голоса, – ну и посвободнее будто станет». Припадки у Насти стали повторяться, обратились к отставному солдату, у которого была слава знахаря, но все его манипуляции только пугали несчастную, а когда солдат-знахарь потребовал отвезти Настю к нему, та через два дня вернулась домой: солдат стал домогаться молодой женщины, но она не могла никому пожаловаться, ведь ей «даже не верили, что в ней нет беса, хотя она и богу молилась и людей жалела больше других, не находящих в себе беса. Она уж и не пыталась ничего за себя говорить и жила – сохла без всякой жалобы. Что говорить напрасно!» Молчание, в которое окончательно погрузилась доведённая до отчаяния женщина, в который раз становится «симптомом душевного неблагополучия» [3, с. 435]. За дело взялся приходский священник, что закончилось очередным нервным срывом и побегом. На третьи сутки её увидел мальчишка-пастух

сидящей «в ярушках над громовым ключом». «Поехали к громовому ключу и взяли Настю. Дома она ни на одно слово не отвечала. Села на лавку и опять охать, – Ох! куда деться! Куда деваться? Куда деться? Куда деваться?» Состояние героини уже близко к сумасшествию.

Только попав к Силе Ивановичу Крылушкину, орловскому лекарю, про чью «доброту святую целая губерния знала», Настя оттаивает в атмосфере любви и нежности. «Тихо, мирно жилось в этом доме, никогда здесь не было ни ссоры, ни споров, ни перебранки. Любила Настя такую тихую жизнь и всё думала: отчего это все люди не умеют полюбить такой жизни?» Настя настолько прониклась доверием к Крылушкину, что понемногу рассказала ему обо всём, что с ней произошло, словно исповедалась, и «ей совсем словно полегчало». Семь месяцев довелось Насте прожить такой жизнью, пока не пришлось вернуться домой к умирающей матери. Здесь её ждали большие перемены: и Григорий, и Костик ушли на Украину на заработки. Выделили Насте пуньку на задворках. «Зиму целую Настя работала так, что семья ею нахвалиться не могла. Характером она была опять такая же: тихая, кроткая, молчаливая, но теперь она была всегда покойна и никакой тревоги из-за неё не было». Молчаливость, которую окружающие принимают за особенность характера, является симптоматичной как свидетельство смирения героини со своей участью.

Но понемногу Настя оживает, начинает замечать, что происходит вокруг, по ночам она «жадно прислушивалась и к говору проезжавших за её пунькой ребят, и к конскому топоту, и к жеребьячьему тоненькому ржанью», и особенно к песням, которые пели мужики, гнавшие лошадей в ночное. Вскоре она, знавшая толк в песнях, стала отмечать одного певца, который выделялся не только голосом, но и трогательными песнями, смысл которых Настя невольно соотносила со своей судьбой, с тем, что жило глубоко в её сердце. Эти песни стали частью Настиной жизни; не удивительно, что и сам песельник стал её интересовать, а

когда оказалось, что он молод и хорош собой, Настя впервые в жизни полюбила, но её возлюбленный, Степан Лябихов, имел семью, и Настя, с её нравственной чистотой, пыталась подавить своё чувство. Заметив, что Степан на неё засматривается, она его избегает, а когда тот впервые откровенно заговорил с ней, скупно отвечает или упорно отмалчивается. В этой ситуации молчание выступает составляющей частью диалога, свидетельствуя о смятении героини: с одной стороны, ей приятно слышать признания в любви, с другой стороны, она уклоняется от коммуникации, которую считает предвзвешенной. Через три дня Степан снова подстерегает Настю, и она опять пытается его образумить: «У тебя есть жена, ребята. Их смотри лучше. – Я всё равно пропаду без тебя. – Я этому не причинна. – Противен я тебе, что ли? так ты так и скажи. Настя **промолчала**». Молчание красноречивее слов говорит о том, что собеседник вовсе не противен Насте. В дискурсивном пространстве этого диалога смысл коммуникативного молчания подчёркивается другими невербальными средствами общения: если три дня назад при попытке Степана взять её за руку «Настя оттолкнула нетерпеливо его руку и гневно сказала: – Это что затеял!», то теперь она не в силах противиться своему чувству: «– Дай хоть рученьку поддержать. Настя **ничего не отвечала и не отняла руки, за которую её взял Степан. Так они дошли до Настяного задворка**». Не смея ещё самой себе в этом признаться, «Настя чуяла, что она любит Степана и что ей его любить не следует».

Молчание выступает как маркер психологического состояния героев и в ходе следующего свидания. Дождавшись, когда Настя пойдёт с поля домой, Степан сначала молча идёт за ней. Она первая не выдерживает и начинает трудный разговор, но Степан не отступает. «Мать царица небесная! Вот напасть-то на мою головушку бедную, – проговорила Настя, вздохнув, и, пожав плечами, пошла опять своей дорогой. А Степан идёт за нею **молчаливый**

и убитый». Составное именное сказуемое со знаменательной связкой *идёт* и однородными именными частями *молчаливый* и *убитый* передаёт состояние героя, для которого жизнь не мила без любимой. Не владея собой, в отчаянии он грозит убить то её, то себя. «Они **долго молчали. Степан заплакал. – Перестань, – сказала Настя и взяла его за руку. – Что мне жить без тебя, – проговорил Степан сквозь слёзы**». Долгое молчание здесь симптом отчаяния, осознания обоими безвыходности своего положения. На попытку Насти урезонить Степана тот сетует: «Хорошо тебе, не любя, учить, а кабы ты в моё сердце заглянула», на что Настя, вздохнув, отвечает: «**Что ты всё о себе говоришь, а я молчу, ты с этого и берёшь? ... Я не из тех, не из храбрых, не из бойких. Хочешь знать, я греха таить не стану. Я сама тебя люблю; может, ещё больше твоего. ... Да что из ней, из любви-то нашей, выйдет? – Горе. Поверь, горе**». Настяно молчание выполняет здесь, помимо экспрессивной, ряд других функций: выражает неодобрение поведения Степана (оценочная функция), «отражает мыслительные процессы коммуниканта, но с импликацией сомнения, колебания, нерешительности» [5, с. 36] (гезитативная функция); свидетельствует о том, что героиня пытается найти нужные доводы, чтобы остановить Степана (когнитивная функция). Наконец Настя решается высказаться предельно откровенно: «Ты мужик, твоя доля всё легче моей. А как мы с тобой свяжемся, тогда-то что будет? – Что ты захочешь. – Право, ты глупый! Что ж тут хотеть-то? Не захочу ж я разлучить жену с мужем или отца с детьми. ... Степан молчал. – А в полюбовницы, как иные прочие, я, Степан, не пойду». Все Настяны резоны оказались бессильны перед живым взаимным чувством. На первый взгляд, героиня нарушила своё слово, однако в её понимании быть *полюбовницей* – значит обманывать мужа, она же согласия хранить верность мужу перед Богом не давала. Наоборот, клятвой звучат её слова: «У меня коли любовь, так

на всю мою жизнь одна любовь будет», и этой клятве она будет верна до конца.

Счастье длилось недолго. Поняв, что ждёт ребёнка, Настя веряет себя и свою судьбу Степану: «Теперь думай со мной, что знаешь, – говорила она. – Я скорей в воду брошусь, а уж с мужем теперь жить не стану». Тем временем Прокудин написал сыну письмо с требованием вернуться, и любовники окончательно решили бежать, но задуманное пришлось отложить, а тут и Григорий явился. Увидев его на пороге, «Настя как стояла, так и онемела. Поздоровался Гришка с отцом, с матерью, поздоровался и с женою; а она ему ни слова». Однородные сказуемые как стояла, так и онемела передают сильнейшее душевное потрясение героини, которая оторопела при виде мужа, потеряв способность говорить. Эллиптическая конструкция а она ему ни слова, где дополнение ни слова вызывает представление о предикате не сказала, не ответила, подчёркивает эмоциональное состояние Насти. Верная своему слову (уж с мужем теперь жить не стану), она уходит из дома и отправляется к Степанову двору: больше ей идти некуда. Решившиеся на побег, зимой, без паспортов, герои обречены. Пережив заключение в острог за бродяжничество, рождение и смерть ребёнка, Настя попадает в тюремную больницу, где, вопреки ожиданиям доктора, «не умерла и поправлялась». Но эти антонимы с горькой иронией тут же превращаются в контекстуальные синонимы: «Состояние её духа было совершенно удовлетворительное для тюремного начальства: она была в глубочайшей апатии, из которой её никому ничем не удавалось вывести ни на минуту». Поправлялась Настя лишь в понимании своих тюремщиков, т. е. не доставляла им беспокойства, превратившись в безмолвное, ни на что не реагирующее существо, в котором фактически убиты человеческие чувства. Наиболее полное определение лексемы апатия находим в толковом словаре Т. В. Ефремовой: 'состояние глубокого безразличия, равнодушия по от-

ношению ко всему окружающему, при котором снижены или полностью утрачены внутренние побуждения, интерес и эмоциональные реакции'.¹ Суперлатив прилагательного **глубокий** в значении 'достигший полноты своего проявления, высшего предела'² подчёркивает крайнюю степень опустошённости. Уже во время этапирования к месту жительства Настю окончательно добило известие о том, что Степана по болезни оставили в дмитровском остроге. Оборвалась последняя ниточка, связывающая её с жизнью. Настю доставили к Прокудиным сумасшедшею. «Она никого не узнавала. То она сидела спустя голову, молчала и, как глухонемая, не отвечала ни на один вопрос, то вдруг пропадала, бегала в одной рубашке по полям, звала Степана и принимала за него первого встречного мужчину». И снова помощь пришла от Крылушкина, где несчастная женщина понемногу пришла в себя, но ненадолго: грубое вмешательство представителей властных структур привело к тому, что Настя попадает в сумасшедший дом и окончательно теряет разум. Когда её доставили домой, она «вырвалась из рук и убежала. До самой глубокой осени она скиталась по окрестностям, не заходила ни под одну крышу и не говорила ни с одним человеком». Здесь не случайная форма глагола *говорить* в значении 'с кем. Общаясь, разговаривать, вести беседу, разговор'³ с частицей *не*, отрицательное значение предиката усиливается конструкцией с усилительной частицей *ни с одним человеком*. Лексема *молчать* или её производные в этом случае неуместны, поскольку «молчание – это часть коммуникации, значимый и неотъемлемый компонент интеракции» [11, с. 191] (см. также [3, с. 423]), а героиня в состоянии тяжёлого психического расстройства избегает какого бы то ни было общения с людьми,

¹ Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL <https://www.efremova.info> (дата обращения: 10.01.2026).

² Ожегов С. И., Шведова Н. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и выражений. М.: А-Темп, 2006. С. 133.

³ Там же. С. 134.

что подчёркивается предикатными группами *скиталась по окрестностям, не заходила ни под одну крышу*. Лишь когда речка покрылась льдом и выпал снег, она пришла к тем, в ком встретила когда-то участие, – к кузнецу Савелию и его жене, но сделала это скорее как дикий зверь, который от безысходности приходит к человеку. *«Авдотья ввела её в избу, обогрела, надела на неё чистую рубаишку вместо её лохмотьев и вымыла ей щёлоком голову. Утром Настя опять исчезла и явилась на другой день к вечеру. Слова от неё никого не могли добиться. Дали ей лапти и свиту и не мешали ей **приходить и уходить молча**, когда она захочет»*. Героиня находится за пределами дискурсивной ситуации, причём не осознанно избегая коммуникации, в которую её пытаются вовлечь, а в силу своего состояния (*«Совсем она зверёнком стала»*), поэтому её молчание не выполняет ни одной из коммуникативных функций, будучи лишь симптомом психического нездоровья.

Заключение

Источником значительной части информации при общении являются невербальные сигналы, при этом особую роль играет молчание как полифункциональная составляющая коммуникации. При этом полифункциональность молчания проявляется не только в том, что в разных дискурсивных ситуациях оно выполняет разные функции, но и в том, что в конкретных коммуникативных условиях молчание выполняет одновременно не одну, а две и более функций.

Изучению феномена молчания способствует дискурсивный анализ художественных текстов, где молчание «имеет большую коммуникативную нагрузку, нежели в естественной коммуникации» [12, с. 81]. Репрезентация молчания как существенной составляющей невербального поведения в разных дискурсивных ситуациях является ключевой деталью в создании психологического портрета главной героини повести Н. С. Лескова «Житие одной бабы».

ЛИТЕРАТУРА

1. Кучерская М. А. Лесков. Прозёванный гений. М.: Молодая гвардия, 2021. 622 с.
2. Шестопалова Н. Д. Молчание как презентация коммуникативной ситуации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 4. С. 191–198.
3. Арутюнова Н. Д. Феномен молчания // Язык о языке / под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 417–449.
4. Богданов К. А. Очерки по антропологии молчания. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 1997. 348 с.
5. Крестинский С. В. Молчание как средство коммуникации и его функции в языковом дискурсе // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2011. № 1. С. 34–37.
6. Коростова С. В. Коммуникативно значимое молчание как способ представления эмоционального состояния персонажа в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2020. № 1. С. 36–44. DOI: 10.18522/1995-0640-2020-1-36-44.
7. Максютя К. С. Молчание как маркер эмоционального и рационального компонентов коммуникативного поведения персонажей в романе М. А. Шолохова «Поднятая целина» // Научная мысль Кавказа. 2021. № 1 (105). С. 112–119.
8. Колосова А. Д. «... Не свадьба это была, а похороны»: элементы погребальной обрядности в повести Н. С. Лескова «Житие одной бабы» // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения: материалы I Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 26 апреля 2018 г.). Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2018. С. 75–82.
9. Поздина И. В. Жанровая специфика прозы Н. С. Лескова 1860-х годов. Челябинск: Челябинский государственный педагогический университет, 2011. 198 с.
10. Горлова А. Ю. Дискурс о кликушестве и проблема крестьянской немоты в литературе о народе накануне отмены крепостного права // Актуальные вопросы перевода, лингвистики, истории литературы и фольклора: сборник статей XIII Международной научной конференции молодых учёных (Екатеринбург, 14 февраля 2025 г.). Екатеринбург: Ажур, 2025. С. 54–60.

11. Шабанова Я. В. Речевой акт 'МОЛЧАНИЕ' в структуре вербальной и невербальной коммуникации // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 5. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2007. С. 183–192.
12. Мухаметов Д. Б. Молчание как компонент русской культуры // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 5 (3). С. 77–82.

REFERENCES

1. Kucherskaya, M. A. (2021). *Leskov. The Missed Genius*. Moscow: Molodaya gvardiya publ. (in Russ.).
2. Shestopalova, N. D. (2014). Silence as a Presentation of a Communicative Situation. In: *Vestnik TvGU Series: Philology*, 4, 191–198 (in Russ.).
3. Arutyunova, N. D. (2000). The Phenomenon of Silence. In: *About Language by Language*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kultury publ., pp. 417–449 (in Russ.).
4. Bogdanov, K. A. (1997). *Essays on the Anthropology of Silence*. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute publ. (in Russ.).
5. Krestinsky, S. V. (2011). Silence as a Means of Communication and Its Functions in Linguistic Discourse. In: *Vestnik TvGU Series: Philology*, 1, 34–37 (in Russ.).
6. Korostova, S. V. (2020). Communicatively Significant Silence as a Way of Representing the Emotional State of a Character in M. A. Sholokhov's Novel "Quiet Flows the Don." In: *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, 1, 36–44. DOI: 10.18522/1995-0640-2020-1-36-44 (in Russ.).
7. Maksyuta, K. S. (2021). Silence as a Marker of the Emotional and Rational Components of the Communicative Behavior of Characters in M. A. Sholokhov's Novel "Virgin Soil Upturned." In: *Scientific Thought of Caucasus*, 1 (105), 112–119 (in Russ.).
8. Kolosova, A. D. (2018). "...It Wasn't a Wedding, but a Funeral": Elements of Funeral Ritualism in N. S. Leskov's Story "The Life of a Woman." In: *INITIUM. Fiction: An Experience of Contemporary Reading: Proceedings of the 1st All-Russian Scientific and Practical Conference (Ekaterinburg, April 26, 2018)*. Ekaterinburg: Ural Federal University publ., pp. 75–82 (in Russ.).
9. Pozdina, I. V. (2011). *Genre Specifics of N. S. Leskov's Prose of the 1860s*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Pedagogical University publ. (in Russ.).
10. Gorlova, A. Yu. (2025). Discourse on Hysteria and the Problem of Peasant Muteness in Literature about the People on the Eve of the Abolition of Serfdom. In: *Current Issues in Translation, Linguistics, History of Literature and Folklore: Collection of Articles from the XIII International Scientific Conference of Young Scientists (Ekaterinburg, February 14, 2025)*. Ekaterinburg: Azhur publ., pp. 54–60 (in Russ.).
11. Shabanova, Ya. V. (2007). The Speech Act of 'SILENCE' in the Structure of Verbal and Non-Verbal Communication. In: *Language, Communication and Social Environment. Iss. 5*. Voronezh: Voronezh State University publ., pp. 183–192 (in Russ.).
12. Mukhametov, D. B. (2012). Silence as a Component of Russian Culture. In: *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 5 (3), 77–82 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алёшина Людмила Васильевна (г. Орёл) – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики начального общего образования Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева;
e-mail: alyoshinalv@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyudmila V. Aleshina (Oryol) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Head of the Department, Department of Theory and Methodology of Basic Primary Education, Oryol State University named after I. S. Turgenev;
e-mail: alyoshinalv@mail.ru